

ISSN 2225-6016

ВЕСТНИК

*Смоленской государственной
медицинской академии*

Том 15, №4

2016

УДК 618.2-07+396.6

ВНЕДРЕНИЕ ПРАКТИКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ В ВЫСШИХ СЛОЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX ВЕКА

© Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л.

Смоленский государственный медицинский университет, Россия, 219014, Смоленск, ул. Крупской, 28
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Резюме: цель статьи состояла в изучении внедрения практики самостоятельного грудного вскармливания в повседневную жизнь российских дворянок XIX в. - начала XX в. Основными источниками исследования выступили научно-медицинские работы указанного периода, а также женская автодокументалистика. Проведенное исследование показало, что представление о недопустимости самостоятельного грудного вскармливания женщинами высших слоев общества сохранялось вплоть до 1860-70-х гг. Под влиянием экспертного дискурса (прежде всего врачебного), пропагандирующего «сознательное материнство», положительное влияние лактации для женского организма, устойчивая социальная норма стала меняться. Женская автодокументалистика свидетельствует о том, что дворянки всё чаще стали практиковать грудное вскармливание. Медикализация повседневной жизни матери и младенца приводила к появлению новых телесных практик: особой гигиены сосков, использованию специальных диет во время кормления, применению грудных насосов, употреблению «грудодержателей» и грудных бинтов, сексуальному воздержанию во время вскармливания. В то же время отсутствие квалифицированной врачебной помощи, связанной с налаживанием лактации, способствовало тому, что дворянки не имели четкого представления о подготовке к лактации, не могли длительное время поддерживать лактацию, не выдерживали интенсивных нагрузок кормления и прибегали к услугам кормилиц.

Ключевые слова: история детского питания, самостоятельное грудное вскармливание, медикализация материнства, лактация, история материнства

INTRODUCTION OF INDEPENDENT PRACTICE OF BREASTFEEDING IN THE HIGHER STRATA OF THE RUSSIAN SOCIETY IN XIX CENTURY

Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L.

Smolensk State Medical University, Russia, 214019, Smolensk, Krupskaya St., 28

Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia, 119991, Moscow, Leninsky Av., 32a

Summary: the aim of the study was to assess the introduction of practice of independent breastfeeding in everyday life of the Russian noblewomen of XIX century - the beginning of the XX century. Scientific and medical works, women's autodocumentary were the main sources of the study. The study showed that the idea of impossibility of independent breastfeeding for women of high society persisted up to the 1860-70th years. Under the influence of the expert discourse (primarily medical), promoting "conscious motherhood," positive influence of lactation for a female body, the steady social norm began to change. Women's autodocumentary demonstrates that noblewomen began to practice breastfeeding more often. The medicalization of everyday life of the mother and baby led to emergence of new body practices: special hygiene of nipples, the use of special diets during feeding, the use of chest pumps, the use of special devices to hold the breast and bandage chest and sexual abstinence during feeding. At the same time the lack of professional medical care contributed to the fact that the noblewoman had no clear ideas about preparation for lactation, could not preserve lactation for a long time, could not withstand the difficulties of breastfeeding and finally they employed special nurses to feed the baby.

Key words: history of baby food, independent of breastfeeding, the medicalization of maternity, lactation, history of motherhood

Введение

История грудного вскармливания относится к междисциплинарной области научных исследований, являясь предметом изучения истории медицины, женской истории, антропологии женского тела, социальной истории и истории повседневности [38]. В европейской и американской науке к истории грудного вскармливания на протяжении последнего полувека

обращаются не только историки и социологи, но так же антропологи, демографы, гигиенисты, специалисты по истории медицины [31-37], и лишь в отечественной историографии эта тема отражена фрагментарно в нескольких публикациях [14, 15, 19]. Цель представленной статьи состоит в том, чтобы проанализировать тенденции в развитии грудного вскармливания в высших слоях российского общества на рубеже XIX-XX вв. Представительницы привилегированного сословия российского общества (преимущественно, дворянки) не практиковали самостоятельного грудного вскармливания, привлекая кормилиц к своим новорожденным детям. Когда и почему изменилась существовавшая норма поведения, какие факторы оказали существенное влияние на трансформацию материнского поведения дворянок? К задаче исследования относится также изучение процесса медиализации материнства под влиянием развития научных знаний и превращения врачей в авторитетных экспертов, определявших характер взаимодействия между матерью и новорожденным.

Методика

В ходе выполнения работы наиболее актуальными оказались подходы социальной истории медицины, историко-антропологический и социал-конструктивистский. Методы исследования условно можно разделить на две группы: методы работы с автобиографическими текстами (биографический метод, метод истории повседневности, метод анализа нарративных текстов), а также методы работы с научной медицинской литературой XIX в. - начала XX в. (дискурсивный анализ врачебных рекомендаций, метод кейс-стади при работе с «врачебными случаями», рассматриваемыми в медицинской литературе). Основными источниками исследования явились дореволюционные научные, научно-популярные издания по акушерству, репродуктивному здоровью и гигиене, грудному вскармливанию, «истории болезни», женские нарративы (дневники, воспоминания как опубликованные, так и извлеченные из архивных фондов), на страницах которых авторы описывали собственный опыт лактации.

Результаты исследования и их обсуждение

Впервые на государственном уровне желание самостоятельно вскармливать собственных детей демонстрировала жена цесаревича Александра Мария Александровна в 1842 г. Однако ее муж запретил ей делать это, настаивая на привлечении кормилицы [30]. Большой переполох в высшем обществе наделало желание великой княгини Марии Павловны, жены великого князя Владимира Александровича, самой кормить новорожденного сына Александра. Поскольку кормление грудью считалось проявлением близости к миру животных и дикарей, постольку лишь самые бедные дворянки, родив дитя, обходились без кормилиц. История русских женщин доиндустриального времени пестрит историями о «грудной горячке» (мастите): перетягивание груди сразу после родов с целью остановить лактацию, нередко заканчивалось высокой температурой, а подчас и смертью.

Подобный подход сохранялся до 70-х гг. XIX в. В отношении светских дам Санкт-Петербурга исследователь городской жизни В. Михневич писал: «Когда уже ребенок явился на свет, то светская женщина, обыкновенно, совсем его не знает и шепетильно отстраняется от него до мелочей, ради соблюдения своего салонного престижа, своей свободы» [18]. Он подчеркивал: «Она никогда не станет кормить дитя своей грудью. Как можно! Это испортит изящную округленность ее бюста, истощит ее и причинит худобу» [18]. Известная русская феминистка, писательница М.К. Цебрикова в 1870 г. рассуждала о том, что для большинства «изнеженных барынь» обязанность «проснуться раза два ночью покормить ребенка» является мучительной и невыносимой. Она лишала их сил и повышала общую нервозность состояния [28].

Однако к концу XIX в. таких дам становилось все меньше. Даже в среде вполне состоятельных и именитых дворянок, графинь, княжон все чаще практиковалось самостоятельное грудное вскармливание. В частности, российская императрица Александра Федоровна (жена Николая II) после появления на свет первенца в 1895 г. (дочери Ольги) была полна намерений самостоятельно кормить грудью. Ее поведение являлось новаторским для первых леди государства. Ее муж в личном дневнике с чувством гордости за жену описал тщательность ее подготовки к предстоящему кормлению. Специально для этого Александре Федоровне в помощницы была определена кормилица с собственным сыном. Прежде чем приложить к груди новорожденную дочь Ольгу, императрица «упражнялась» кормить ребенка кормилицы. «Аликс опять провела день во второй комнате, дочка лежала с ней рядом. Была первая проба прикармливания к груди, что окончилось тем, что Аликс очень удачно стала кормить сына кормилицы, а последняя давала молоко Ольге. Пресмешно!» [7]. Опыт кормления оказался неудачным, впоследствии императрица

была вынуждена отказаться от своего намерения [13]. Известно также, что она самостоятельно кормила грудью своего пятого ребенка, долгожданного мальчика. Очевидно, что ее поведению придавалось особое значение, так как в опубликованном после рождения Алексея официальном бюллетене подчеркивалось, что императрица сама кормит грудью наследника [13].

Анализ женской автодокументалистики, женской переписки начала XX в. показывает, что дворянки уже не могли позволить себе открыто высказываться против самостоятельного грудного вскармливания, а напротив, активно защищали его. В светских и семейных беседах они нарочито подчеркивали, что женщину, лишаящую младенца материнского молока, сложно называть матерью (Центральный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2125. Оп. 1. Д. 36. Л. 77). Самостоятельное грудное вскармливание становилось проявлением нового (сознательного) отношения дворянок к материнским обязанностям.

Чем был вызван столь резкий поворот во взглядах матерей-дворянок? Во многом особой риторикой научной общественности, начавшей активно пропагандировать важность материнской близости к ребенку, особенно в первый год его жизни (прежде дворянки избегали общения с ними в этом возрасте). Эту идею защищали врачи, им вторили публицисты. Медицинское знание приобретало форму «экспертного знания», на которое стали ориентироваться представительницы интеллигентных слоев общества. Еще в начале 1870 г. придворный врач В.В. Дерикер указывал на то, что женщина родившая, но не кормящая самостоятельно своего ребенка, – мать наполовину [5]. Педагог М. Безобразова отмечала, что женщина, отказавшаяся от лактации, препятствует развитию в себе материнской любви (инстинкта) [2]. В общественном сознании настойчиво культивировалась мысль о священном долге каждой матери вскармливать своего ребенка. Матерей-дворянок не только призывали к самостоятельной лактации, но и стремились обучить этой новой практике. В рамках Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества регулярно издавались популярные брошюры, раскрывающие специфику грудного вскармливания («Как следует кормить грудного ребенка, когда у матери не хватает молока», «Как приготовить ребенка к отнятию от груди», «Как ходить за грудным ребенком и вскармливать его» и др.). Известный врач Н.В. Ястребов предлагал ввести в школьный курс предмет по детской гигиене, в рамках которого планировалось пропагандировать самостоятельное грудное вскармливание. Активное участие врачей в пропаганде материнского кормления было обусловлено объективными причинами: большой смертностью новорожденных (даже в дворянских семьях), а также участвовавшими случаями заражения кормилицами вскармливаемых ими детей.

Если в Англии под воздействием моральных увещаний «кормиличный бизнес» с середины XIX в. пошел на убыль [36], а в США к началу XX в. стал просто редкостью [37], то в России, напротив, дворянки не спешили отказываться от привилегии нанимать помощницу. В связи с этим доктора (В.Н. Жук, Е.А. Покровский, С.Ф. Воюцкий, Н.В. Ястребов) пытались вразумить женщин, приводя аргументы в пользу благотворного влияния грудного вскармливания не столько на младенца, сколько на саму мать, ее физическое и нравственное здоровье. В частности, в популярном среди дам «Женском календаре» врач указывал на то, что «...у кормящей женщины лучше совершается обратное развитие половых органов, а это уменьшает шансы обычных заболеваний матки» [22]. Грудное вскармливание, считалось, может излечить давнишние женские болезни, омолодить женский организм и даже, что было немаловажным, сильнее привязать мужа к жене. Лишь единицы из врачебного сообщества писали о естественных издержках грудного вскармливания для самой матери. Женщина-врач Е.С. Дрентельн отмечала, что частое кормление грудью приводит к «мучительным и иногда опасным заболеваниям грудных желез» [9]. Без прикрас она связывала данный телесный опыт со страданиями, болезненностью и разного рода «ненормальностями» в дальнейшей жизни женщин. В Европе дело обстояло иначе. Врачи, пропагандируя грудное вскармливание, перечисляли многочисленные доводы в пользу здоровья новорожденного, ограничиваясь описанием преимуществ для матери.

Создавая культ самостоятельного грудного вскармливания среди матерей высших сословий, доктора нападали с критикой на тех, кто пренебрегал этой практикой. Женщин обвиняли в невыполнении своей естественной обязанности, а кормилиц, поступавших к ним в услужение, называли преступницами [24]. В глазах научной (медицинской, педагогической) общественности мать, которая «уклонялась» от кормления своего дитя, превращалась в плохую мать, «бесстыжую» и даже «грешницу».

«Экспертами» была подмечена и другая, не менее важная область для критики независимого репродуктивного поведения дворянок. Теоретики отмечали безнравственность женщин, бравших кормилицу, так как они лишали чужое дитя матери и обрекали якобы его на гибель [4, 20]. Данный аргумент, ставивший в вину матерям-дворянкам потенциальную гибель безвинного дитя,

наносил серьезный удар по традиционному репродуктивному поведению женщин высшего общества.

Матери-дворянки начала XX в. под напором многочисленных врачебных аргументов выражали свою решимость отказаться от услуг кормилиц. Врачи, писатели, публицисты заявляли о прочно вошедшей в повседневную жизнь дворянской матери новой для них телесной практике. Известная писательница Н.А. Лухманова писала, выражая при этом удивление, что лично знакома со многими молодыми интеллигентными матерями, которые могли бы нанять кормилицу, но пытаются самостоятельно вскармливать собственных детей [16]. В женских дневниках этого периода фиксировалась убежденность дворянок самим кормить детей грудью. Е. Дьяконова в 20 лет записала: «Природа сама назначила женщину быть кормилицей собственного ребенка: надо кормить это существо. Женщина готова исполнить свои обязанности» [10]. Тверская дворянка в дневнике отмечала: «Здоровьем своим я очень довольна и хочу непременно сама кормить» (Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30).

Эта сфера женского бытия стала настолько значимой для дворянок, что они непременно подчеркивали факт самостоятельной лактации в своих дневниковых записях. С.А. Толстая после первого удачного опыта вскармливания коротко записала в дневнике: «Начала я да и выкормила свою Таню» [26]. А.А. Знаменская упоминала: «Кормлю сама» (Российский государственный архив литературы (РГАЛИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 383 Л. 30). В откровенном письме к беременной родственнице дворянка советовала непременно самой кормить грудью, видя в этом прежде всего факт «величайшего наслаждения» и «самой приятной обязанности матери» (Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 201. Оп. 1. Д. 34. Л. 11об). Об испытанном «наслаждении» писала Е. Половцова (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 58. Л. 95). Она очень печалилась после того, как спустя месяц самостоятельного грудного вскармливания была вынуждена отказаться от этой практики из-за состояния здоровья. Свои первые впечатления от прикладывания ребенка к груди описывала В.П. Багриновская: «Вот мое дитя пришло к моей груди. Мы оба еще не умеем понять друг друга, но когда дело налаживается, блаженная исчерпывающая тишина наполняет не только душу, но все нервы, все жилы и мускулы» (РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 172). Дворянки могли настолько «увлечься» самостоятельным грудным вскармливанием, что попытки 6-8 месячного ребенка отказаться от сосания груди приводили матерей к серьезным нервным расстройствам. Княжна С.П. Шувалова впала в отчаяние по той причине, что ее восьмимесячный сын, которому был введен прикорм, стал реже «брать» грудь. Эта тема стала предметом ее многочисленных писем к родственникам и знакомым» (ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6. Л. 29). Е. Половцова, отняв ребенка от груди, жаловалась мужу: «А знаешь, больше всего чем я огорчаюсь? Тем, что Боря совсем не мой, я мучаюсь, Толя» (ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 58. Л. 95). Женщины убеждали себя и окружающих в своей принадлежности к передовому разряду «истинных матерей», с радостью и трепетом практиковавших самостоятельное грудное вскармливание. Представляется, что это воспринималось если не как подвиг, то как особое достижение благородных женщин, которое выделяло их в качестве «идеальной матери» и добропорядочной супруги. В 1910-е гг. самостоятельное грудное вскармливание в дворянской среде было настолько распространенным, что перестало быть чем-то из ряда вон выходящим, превратившись в естественную часть повседневности молодой матери.

При выделении причин перехода к самостоятельному грудному вскармливанию не стоит сбрасывать со счетов экономический фактор. Процесс «оскудения дворянства», разорение помещного землевладения, разложение патриархальной семьи – объективные факторы, приводившие к тому, что интеллигентные супруги не в состоянии были отыскать достойную по цене и «качеству» кормилицу. Личная переписка дворянок демонстрирует, каких трудов стоило найти кормилицу, особенно в провинции (ГАТО. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 8. 8л). Как столичная, так и провинциальная пресса пестрела разоблачительными заметками о нерадивости нанятых женщин. Авторы статей наперебой сообщали о том, что кормилицы в повседневной практике часто используют снотворное, нечистоплотны, могут прикладывать руку в отношении младенцев и др. Все эти факторы способствовали формированию убеждения дворянок в необходимости самостоятельного кормления грудью.

Новой телесной практикой в жизни кормящей дворянки становилась особая гигиена груди, которая включала «мытьё сосков» после каждого кормления, прикладывание примочек из миндального масла. Дабы не раздражать нежную кожу сосков, практиковалось прикладывание к ним кусочков ткани и даже скорлупы грецкого ореха [27]. Нередко кормящих матерей мучали различные заболевания груди, сопровождающиеся ее затвердением и резкой болью. Тяжелые муки вскармливания описывала С.А. Толстая. Она отмечала, что при возникновении заболеваний груди доктор прописывал ей «пластырь Виго без ртути» и «для сосков раствор ляписа (1 гр на 1 унц воды)» [26].

Состоятельные кормящие матери охотно пользовались различными изобретениями европейской промышленности, облегчавшими процесс грудного вскармливания. Обеспеченные дамы могли себе позволить новинку европейской швейной промышленности – «бюстен-галтеры» («бюстодержатели»), или, как они именовались в провинциальных газетах, – «грудодержатели» (Реклама // Смоленский вестник. 1903. №25. С.4). Прежде чем войти в повсеместное употребление, бюстгалтеры изначально рекомендовалось носить беременным и кормящим женщинам «для поддержания молочных желез» и «чтобы не испортить красоты бюста». Женские «грудодержатели» только входили в обиход, поэтому многие дамы обходились без особого нижнего белья. Кормящие матери часто использовали простые по форме и изготовлению грудные повязки из салфеток или платков. Они завязывались особым образом – так, что бы выполнять функцию поддержки молочных желез. В продаже имелся грудной бинт, который напоминал примитивный бюстгалтер. Ввиду простоты изготовления грудной повязки шить такое изделие могла любая портниха. Дабы защитить одежду от протекания, часто под нее подшивали клеенку.

Для разработки молочной железы состоятельным россиянкам стало доступно европейское изобретение – «грудной насос» для отсасывания молока. «Грудной насос» состоял из резинового шарика, стеклянной трубки, которая накладывалась на сосок, и резервуара, куда стекало молоко. В употреблении были также насосы, предполагавшие отсасывание губами.

Несмотря на критику врачей, многие дворянки по образцу крестьянских семей давали новорожденному соску. Часто этот факт объяснялся тем, что кормилицы, няньки, считавшие соску непременным атрибутом в жизни грудного ребенка, без протестов со стороны родителей приучали малыша к ее употреблению. Нередко сами дворянки, начитавшись медицинских трудов, где обосновывалась важность сосательного рефлекса для малыша, давали ему соску. В этом случае их соска отличалась от традиционной крестьянской тем, что кисею (особая материя) не набивали разной едой (сало, хлеб), а обмакивали ее в сахарную воду и часто меняли. Резиновые соски встречались не часто.

В дореволюционных инструкциях по грудному вскармливанию, в отличие от современных, указывалось на необходимость попеременного вскармливания: пока женщина кормит одной грудью, молоко поступает в другую. Кроме этого, согласно врачебным предписаниям и признаниям самих матерей, кормление происходило в большинстве случаев не по требованию, а строго по часам. В инструкциях для матерей значилось: «Научить ребенка есть в определенное время составляет первый педагогический прием мыслящей матери» [27] или «Кормить ребенка надо только в указанное время... Для ребенка крайне вредно, если его кормить не в строго определенные промежутки времени» [29]. Отучить ребенка от ночного кормления старались как можно быстрее. В женских записных книжках, очевидно по настоянию врачей, молодые матери скрупулезно записывали часы кормления детей.

Врачи рекомендовали сохранять грудное вскармливание до 8–12 месяцев, уточняя, что оно должно длиться до появления первых зубов у ребенка. Считалось, что более длительное кормление грудью приносит для матери и дитя больше вреда, чем пользы [23]. При этом в мемуаристике присутствуют указания на продолжительность грудного вскармливания от нескольких дней до 3,5 лет [1, 8]. По свидетельствам врачей (В.Н. Жук, И.К. Стрельбицкий), подавляющее большинство интеллигентных матерей не выдерживало длительных кормлений, заканчивая их к 6 месяцам. При этом ими назывались совершенно различные причины: нехватка молока, его испорченность, отказ самого ребенка брать грудь и т.д. [12].

Кормящая мать, согласно дореволюционным инструкциям врачей, должна была следовать всевозможными ограничениями во время грудного вскармливания. Врачи настоятельно рекомендовали соблюдать нравственную и физиологическую гигиену. Нравственная гигиена предписывала женщинам избегать сильных потрясений и волнительных состояний. Считалось, что гнев, испуг, возбуждение кормящей матери непременно передадутся с молоком ребенку, результатом чего может стать резкое ухудшение его самочувствия. Кормящая мать должна была придерживаться строгой диеты. Ей были противопоказаны сырые овощи и фрукты, бобовые. Существовал полнейший запрет на употребление вина, кислого, соленого, острого и т.д. [8, 21].

Медицинские запреты распространялись на интимную сферу супружеских отношений. Российские доктора, также как и европейские врачи [36], советовали женщинам воздерживаться от исполнения «супружеских прав», полагая, что половая неводержанность приведет к порче грудного молока и чрезмерно истощит силы матери. Сексуальная сфера отношений при помощи всевозможных научных наставлений и материнских предписаний являлась областью для внешнего контроля (в данном случае государственного). Если в Средние века главным ограничителем половой активности граждан выступала церковь, то в условиях индустриального общества эту функцию на себя взяла наука в лице всезнающих «экспертов». Врачи продолжали определять рамки естественности и противоестественности, нормы и не нормы в половой жизни граждан,

вновь и вновь доказывая принцип материнской асексуальности. Сексуальные связи с кормящей матерью были причислены к разряду перверсий. В начале XX в. врачи категорично заявляли, что «половые сношения» во время кормления грудью противоестественны и даже «незаконны».

Надо отметить, что сфера интимных отношений оказалась той областью, где запросы «экспертов» явно не совпадали с интересами людей. Судя по личным документам, супруги часто нарушали предложенные морализаторами предписания. Практикующие врачи отмечали, что подавляющее большинство их пациенток, невзирая на грудное вскармливание, вело активную половую жизнь [9]. Некоторые из них в интимных беседах с подругами сетовали на то, что, несмотря на лактацию, им удавалось забеременеть. Либерально настроенные гинекологи были не столь категоричны в вопросах половой жизни супругов. Они допускали сексуальные отношения между ними, указывая на необходимость соблюдения двухчасового перерыва перед кормлением ребенка. «Не следует давать груди немедленно после события» [5], – писал известный врач В.В. Дерикер.

Самостоятельное грудное вскармливание становилось «святой обязанностью» в жизни каждой интеллигентной женщины. Принуждение к грудному вскармливанию можно отнести к одной из «политик тела» (М. Фуко), призванной контролировать женскую фертильность и сексуальность, посредством заданных извне стандартов. Дворянка лишалась привилегии быть свободной от ежечасной связи с младенцем. В сложившихся условиях женщина не могла просто так отказаться от самостоятельной лактации, она вынуждена была искать веские доводы, рациональные объяснения для поведения, осуждаемого обществом. Нам удалось установить, что именно врачи стали теми, кто предоставлял дворянкам «право» не кормить самостоятельно грудью. Врачебные показания стали не только диагнозом, а средством для манипуляции. Дворянки продолжали отказываться от самостоятельного грудного вскармливания, но при этом непременно ссылались на рекомендации врачей. Врач становился всемогущим повелителем, дававшим женщине «ключи от свободы». Многочисленные материнские дневники подтверждают тот факт, что дворянки пытались освоить самостоятельное кормление новорожденных, но по различным причинам вскоре отказывались от своего намерения.

На VIII Пироговском съезде доктор И.К. Стрельбицкий выступил с любопытным докладом, в котором очертил основные причины, по которым женщины отказываются от самостоятельного грудного вскармливания. Он исследовал матерей преимущественно из интеллигентной среды. Результаты его наблюдений оказались неожиданными. Единицы из опрошенных признавались в том, что сами не захотели налаживать лактацию без видимых на то физиологических или анатомических причин. Многие женщины обвиняли врачей и акушеров, отмечая, что именно они рекомендовали им отказаться от этой практики. Подавляющее большинство матерей приводили расплывчатые объяснения, среди которых были следующие: «молока в грудях было мало», «молоко было плохое», «ребенок не брал грудь», «надо было уходить из дому» и т.д. [12].

Женщина-врач А.А. Дернова-Ярмоленко указывала на то, что в подавляющем большинстве нежелание интеллигентных женщин связывать себя узами кормления было вызвано необходимостью большого напряжения сил, а также «постоянного сидения дома» [6]. Е.И. Конради приводила любопытный пример из жизни столичной дамы, которая пыталась самостоятельно кормить своего ребенка, не бросая при этом участия в активной светской жизни. Она продолжала ездить по театрам, салонам, посещала балы, делала визиты, в то время как грудной ребенок оставался дома на руках няnek. Дворянка установила правило: как только ребенок просыпался и требовал кормления, за ней посылали гонцов. В конечном счете подобная изобретательность не принесла удобства ни ребенку, ни матери, следствием чего стал наем кормилицы. Этот случай демонстрирует переходное состояние матери-дворянки индустриальной России. Светские дамы не желали бросать прежний образ жизни, но в то же время считали важным исполнять свой материнский долг.

Безусловно, среди причин отказа от лактации присутствовали и естественные. Надо заметить, что матерей никто не обучал тому, как правильно прикладывать новорожденного к груди. Традиционно дело обстояло так: после родов акушерка подносила новорожденного к груди матери, в дальнейшем матери оставались один на один со своей «проблемой». Многие из них просто не справлялись с этой обязанностью, толком не овладев техникой грудного вскармливания. В этом отношении показательна история Е.Н. Половцовой. После рождения первенца молодая женщина и ее муж были убеждены, что она будет самостоятельно кормить ребенка. Но подобная нагрузка показалась Е. Половцовой чрезвычайно тяжелой. Первые кормления муж описывал так: ребенка приложили к груди, он пососал, потом уснул, когда же проснулся, то мать, ссылаясь на крайнюю усталость, просила отдыха. А. Половцов зафиксировал диалог мужа и жены в собственном дневнике: «Хочешь покормить ребенка (Я)? Разве он проснулся? ... Это очень утомительно, хоть немного отдохнуть (К). Сон часа 2. Ребенок сперва покричал, потом спал» (Отдел рукописей российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 601. № 55. Л. 18). Несмотря

на свою убежденность в исключительной пользе материнского молока, ввиду неспособности жены к подвигу кормления по старинке была взята кормилица.

Кормление часто сопровождалось болезнями груди, от непривычных нагрузок молоко вообще могло пропадать. Врачи, исследовавшие эту тенденцию, приходили к выводу, что явление матерей-дворянок типа «молока в грудях мало» в большинстве случаев объяснялось неправильным использованием физиологических возможностей грудной железы кормящими женщинами.

Существование данной проблемы дало основание ряду врачей предположить, что у дворянок произошли определенные мутации, вызванные нежеланием нескольких поколений женщин из привилегированного сословия самостоятельно вскармливать своих детей [11]. В то же время «достаточность» или «недостаточность» молока в первые дни после родов оценивали сами женщины или акушеры, далекие от вопросов грудного вскармливания. Никаких специальных манипуляций для увеличения лактации матерями не производилось. Ситуацию, складывавшуюся вокруг грудного вскармливания, лаконично передал врач Е.Л. Скловский в диалоге с недавно родившей интеллигентной женщиной. Он писал: «Почему вы не кормите сами?» – спрашиваете вы у матери? «Да у меня было мало молока». – «Сколько же дней прошло после родов?» Вам отвечают: «5, 6 или 7» ... «А вы применяли что-либо, чтобы увеличить количество молока? Откуда вы знаете, что у вас молока мало? Почему вы не прибегли к смешанному кормлению?» – и тому подобными вопросами закидываете вы мать. Из ответов вам делается ясным, что больших попыток к продолжению кормления матерью не делалось, и, когда ребенок несколько дней кричал (быть может, вовсе не от голода, а от колик), и мать заявила, что у нее молока мало, к тому же она нервна и малокровна, акушерка после некоторых попыток, а то и без них, забинтовала ей груди и перевела ребенка на грудь кормилицы...» [25].

Одной из причин недостаточности молока была излишняя худоба дворянок, в особенности из аристократических слоев. Во многом значительная потеря веса родильницы могла быть вызвана той диетой, которую прописывали врачи и акушерки. Питание молодой матери было чрезмерно скудным, состоящим из нежирной, жидкой, кашицеобразной пищи. В связи с этим многие матери физиологически не могли самостоятельно вскармливать своих малышей. Лишь в конце XIX в. отечественные врачи стали доказывать вредные последствия такого подхода, убеждая вводить в рацион родильниц больше белковых и углеводных продуктов.

Нередко дворянки, вопреки своему желанию, вынуждены были отказываться от лактации. Существенными причинами являлись физиология женского бюста и длительность послеродового восстановления. Зачастую вследствие ношения тугих корсетов у дворянок наблюдалось такое физиологическое явление, как впалость сосков («негодные соски»), что становилось существенным препятствием на пути грудного вскармливания. В учебниках по акушерству врачам рекомендовалось непременно проводить осмотр грудных желез у беременных женщин, дабы определить возможность самостоятельного вскармливания еще до рождения дитя. «Сосок должен выступать над поверхностью грудной железы; плоские, а особенно вдавленные внутрь соски не пригодны для вскармливания ребенка» [23], – писал профессор акушерства Н.И. Побединский. В редких случаях врачи могли рекомендовать аристократам использовать оловянные колпачки.

«Родильная горячка», маститы, трещины сосков («изъязвление сосков»), всевозможные инфекционные заболевания также приводили к отказу женщин от самостоятельного кормления. Со временем число инфекционных заболеваний, которые прежде считались запретными для кормления (например, ангина, тиф, ревматизм), сужалось. К болезням, однозначно препятствовавшим кормлению, относили туберкулез, тяжелые заболевания сердца, почек. Среди существенных причин для отказа специалисты называли чахотку, «падучую болезнь» (эпилепсию), душевные болезни.

Отказ от самостоятельного грудного вскармливания был также продиктован многочисленными родами, которые приводили к истощению женского организма. Дворянки, самостоятельно кормившие первых детей, нередко впоследствии отказывались от этого. А.А. Знаменская, ожидая восьмого ребенка, писала: «Я решила, что не буду кормить сама ожидаемого ребенка. Возьму кормилицу, так как чувствую настоятельную потребность в отдыхе» (РГАЛИ. Ф.142. Оп. 1. Д.383. Л. 50об). Мать в письме к дочери, положительно отзываясь о ее предыдущем опыте самостоятельного кормления («выкормила девочку»), отмечала, что при ее теперешнем здоровье «грешно» и «неблагодарно» даже думать о материнском вскармливании (ГАСО. Ф.201. Д.34. Л. 11об, 12). Мать советовала дочери «отдохнуть», а последующих детей вновь начать кормить самостоятельно. Таким образом, общая слабость женского организма становилась одной из существенных причин отказа от материнского кормления.

В документах личного происхождения присутствуют указания на нестандартную для сегодняшнего дня причину, по которой врачи запрещали самостоятельное грудное вскармливание, – «порчу молока». Данное понятие условное, не всегда соответствовавшее реальному положению дел. Дореволюционные врачи выделяли различные основания для установления диагноза: «плохие нервы», «истощение сил», «слабость организма» матери, а также половые отношения во время кормления и начавшиеся регулы. Подобные объяснения могли быть предъявлены вследствие низкой компетентности врачей и акушеров в вопросах грудного вскармливания. Л. Селикова в письме отмечала, что ее послеродовой период отличался повышенной раздражительностью (вероятно, имела место послеродовая депрессия), и врачи рекомендовали ей отказаться от лактации («При всем этом кормить ребенка было бы для него вредно») (ГАТО. Ф.1022. Оп. 1. Д.30). М.А. Бекетова также указывала на любопытную причину отказа своей родственницы: «Она заболела от горя, плакала, томилась и должна была прекратить кормление ребенка, потому что у нее испортилось молоко» [3]. Несмотря на развитие медицинской науки, в начале XX в. даже врачи считали, что «душевные расстройства» портят молоко, в результате чего оно становится вредным для младенца. Среди называемых причин были неясные и вполне надуманные. Врач Н. Миллер считал, что существенным основанием для отказа от лактации является «отвращение ребенка к материнскому молоку» [17]. Между тем известные популяризаторы грудного вскармливания В.Н. Жук, И.К. Стрельбицкий были убеждены в том, что «плохое молоко» может быть только в том случае, если ребенок не прибавляет в весе или худеет [12]. Других «доказательств» они не приводили.

Очевидно, что в большинстве приводимых случаев дворянки пытались найти научное оправдание своему нежеланию налаживать лактацию. Е.И. Конради сравнивала ситуации, часто возникавшие в связи с решением вопроса о вскармливании ребенка, с «фарсом». По мнению известной публицистки, разделявшей феминистские взгляды, вначале мать-дворянка заявляла о страдании «малокровием» и «нервами», что она бы не против, но ей крайне вредно будет самой кормить ребенка. Ей вторил доктор, который добавлял, что мать не имеет права рисковать собой, она должна беречь силы, которые ей пригодятся для воспитания дитя. Муж соглашался со всеми доводами врача, энергично поддерживая жену. Затем он направлялся на поиски кормилицы. Современницы сообщали, что нередко беременные дамы заранее «подговаривали» своих докторов, дабы они вынесли вердикт о невозможности грудного вскармливания. Эти случаи являются прямым доказательством того, что, вопреки популярности идей самостоятельного кормления грудью, для многих дворянок этот опыт был нежеланным.

Таким образом, главными причинами отказа дворянок от самостоятельного грудного вскармливания были физиологические, анатомические проблемы и заболевания; отсутствие компетентной врачебной помощи; нежелание самой матери. Несмотря на увещевания врачей, дворянки не спешили отказываться от найма кормилицы. Данная телесная практика была чрезвычайно тяжелой даже для тех, кто относил себя к «сознательным матерям».

При отказе от материнского вскармливания врачи прописывали дворянкам особую диету, следствием которой должно было стать снижение лактации. Женщины употребляли слабительные средства (английскую и Глауберову соль) для скорейшей остановки отделения молока. Считалось также, что они способны вывести молоко из материнского тела. Традиционной практикой являлось бинтование грудей. Дворянки накладывали тугие повязки, сжимавшие грудь, что в скором времени приводило к прекращению лактации. В ходу были примочки и припарки, пропитанные вяжущим раствором. В начале века на российском рынке появились «грудные насосы» (прототипы современных молокоотсосов), которые могли существенно облегчить положение женщины, не желавшей самостоятельно вскармливать ребенка. В женских дневниках присутствуют упоминания о специальных «машинках», помогавших сцеживать молоко (ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 57. Л. 5об).

Заключение

Под влиянием «экспертного сообщества», прежде всего врачей, культивировавших новые идеалы поведения «сознательной матери», обосновывавших важность самостоятельного грудного вскармливания для здоровья матери и новорожденного, трансформировалось поведение матерей-дворянок. Прежде воспринимаемое в качестве девиации, с 70-х гг. XIX в. самостоятельное грудное вскармливание стало важной социальной нормой, определявшей материнскую повседневность. Следует рассматривать две стороны этого явления. С одной стороны, утверждался новый (современный) подход к вскармливанию ребенка, уходил в прошлое «кормиличный промысел». С другой стороны, этот сюжет из истории грудного вскармливания демонстрирует процесс всё большей медиализации репродуктивного здоровья женщин. Врачебные рекомендации становились основным источником, определявшим «норму» женского поведения и отклонение от

неё. Женское тело превращалось в объект врачебных манипуляций. Изучение «врачебных случаев» и женских нарративов показало, что женщины «сопротивлялись» предъявляемым запросам самостоятельного грудного вскармливания, используя «рекомендации» всё тех же врачей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): проект № 14-31-01217 «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы»; проект №16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

Литература

1. Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. – М.: Искусство, 2001. – 539 с.
2. Безобразова М. О материнской любви // Семейное воспитание. – 1914. – № 1. – С. 8-9.
3. Бекетова М.А. Шамотово. Семейная хроника. – Л.: Петроград, 1930. – 230 с.
4. Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. – 1917. – № 6. – С. 469-480.
5. Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб: Тип. Гогенфельдена, – 1873. – 380 с.
6. Дернова-Ярмоленко А.А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. – 120 с.
7. Дневник императора Николая II. – Берлин: Слово, 1923. – 272 с.
8. Долгое ожидание. Письма А.Г. Тидемана и О.О. Тидемана (фон дер Бек). – Смоленск: Край Смоленский, 2012. – 182 с.
9. Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. – М.: Книгоиздательство Брейтигама в Харькове и в Москве, 1908. – 285 с.
10. Дьяконова Е.И. Дневник Елизаветы Дьяконовой. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. – 254 с.
11. Жук В.Н. Мать и дитя. – СПб: Изд-во В.И. Губинского, 1906. – 1116 с.
12. Жук В.Н. Почему многие матери не кормят грудью детей? // Акушерка. – Кн. 6. – № 11-12. – С. 178-182.
13. Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. – М.: Центрполиграф, 2010. – 572 с.
14. Колганова Е. Смертельное молоко // Родина. – 2010. – № 7. – С. 146-148.
15. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX века // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 6. С. 37-50.
16. Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. – М.: Д.П. Ефимов, 1904. – С. 49-50.
17. Миллер Н. Женское молоко и выбор кормилиц. – М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1888. – 232 с.
18. Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. – СПб: Тип. Сущинского, 1886. – 542 с.
19. Мицок Н.А., Пушкарева Н.Л. Кормиличный промысел в России в 1850–1917 гг. // Вопросы истории. – 2016. – № 3. – С. 151-158.
20. Мичник З.О. Об естественном и искусственном вскармливании грудных детей // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 2. – С. 36-50.
21. Первый женский календарь на 1902 г. / сост. П.Н. Ариян. – СПб, 1903. – С. 329
22. Первый женский календарь на 1908 г. / сост. П.Н. Ариян. – СПб: Труд, 1908. – С. 294.
23. Побединский Н.И. Краткий курс акушерства. – М.: Т-во скоропеч. А. Левенсон, 1918. – 320 с.
24. Покровский Е.А. Об уходе за малыми детьми. – М.: Посредник, 1910. – 100 с.
25. Скловский Е.Л. К вопросу о борьбе с детской смертностью. – Киев: Тип. т-ва Н.А. Гирич, 1906. – 13 с.
26. Толстая С.А. Моя жизнь // Журнальный зал. – 1998. – № 9 / <http://magazines.russ.ru/authors/t/stolstaya/> (дата обращения 05.05.2015).
27. Фишер-Дюкельман А. Женщина как домашний врач. – М.: Изд-во Аскарханова, 1903. – 556 с.
28. Цебрикова М.К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» / <http://www.owl.ru/win/books/gw/fl.htm> (дата обращения 02.06.2015).
29. Шестакова О.А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. – СПб: Тип. «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1910. – 21 с.
30. Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкин. фонд, 1995. – 423 с.

31. Apple R.D. Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890–1950. – Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1987. – 280 p.
32. Badinter E. Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX. –Barcelona.: Paidós. 1991. – 211 p.
33. Baumslag N., Michels D. Milk, Money and Madness. – N-Y: Greenwood Publishing Group. 1995. – 342 p.
34. Bernice L. Hausman Mother's Milk: Breastfeeding Controversies in American Culture. – New York: Routledge. 2003. – 288 p.
35. Borsay A., Hunter B. (eds) Nursing and Midwifery in Britain since 1700. – Hampshire: Palgrave Macmillan. 2012. – 230 p.
36. Fildes V.A., Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1986. – 400 p.
37. Golden J. Social History of Nursing America: from Breast to Bottle. – Cambridge: Cambridge University Press. 1996. – 234 p.
38. Schiebinger, Londa. Nature's Body. Gender in the Making of Modern Science. – Boston: Beacon Press. 1993. – 256 p.

Информация об авторах

Мицюк Наталья Александровна – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет» Минздрава России. E-mail: Mitsyuk.N@yandex.ru

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этногендерных исследований ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухло-Маклая. E-mail: pushkarev@mail.ru.